

Детерминанты развития международной торговли в условиях гиперглобализации и цифровизации

Евгений Николаевич СМИРНОВ,
доктор экономических наук, профессор,
Государственный университет управления
(109542, Москва, Рязанский проспект, 99), заместитель
заведующего кафедрой экономической теории и мировой экономики,
E-mail: smirnov_en@mail.ru

УДК 339.5(100)
ББК 65.428(0)
С-506

Аннотация

Статья посвящена анализу и обобщению тенденций развития международной торговли в условиях новых факторов: нестабильного состояния мировой экономики, последствий гиперглобализации, усиления протекционистских настроений во внешней торговле стран мира. Сделаны выводы относительно влияния современной международной торговли на поляризацию доходов в масштабах мирового хозяйства. Особое внимание уделено оценке специфики и потенциала развития международного обмена в условиях цифровизации и цифровых трансформаций. Установлено, что под влиянием цифровизации протекционистские барьеры в торговле между странами будут усиливаться, что является новым вызовом для трансформации системы многостороннего регулирования международного обмена.

Ключевые слова: международная торговля; гиперглобализация; цифровизация; неравенство; торговые соглашения; протекционизм.

Determinants of international trade growth under hyper-globalization and digitalization

Evgenii Nikolayevich SMIRNOV,
Doctor of Economic Sciences, Professor; State University of Management
(99 Ryazan Avenue, Moscow, 109542), Economic Theory and World Economy Department -
the Head in chief; E-mail: smirnov_en@mail.ru

Abstract

The article analyzes and summarizes trends in international trade in the conditions of new factors: unstable world economy, hyper-globalization impact, increasing protectionist attitudes in foreign trade of the world economies. Some conclusions concerning the influence of modern international trade on the polarization of income in scales of the world economy are made. Special attention is given to the assessment of peculiarities and potential of international trade growth under digitalization and digital transformations.

Keywords: international trade; hyper-globalization; digitalization; inequality; trade agreements; protectionism.

РЕКОНСТРУКЦИЯ НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПОВ ЭВОЛЮЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБМЕНА

В ходе своей эволюции международная торговля испытала существенные трансформации, развиваясь то в контексте установления либерального торгового порядка, то в русле протекционистских настроений. В результате промышленной революции XVII-XVIII вв. стоимость транспорта и связи существенно снизилось, что привело к активному развитию внешней торговли (1815-1914 гг.). Под воздействием Первой мировой войны, напротив, началась фаза дезинтеграции и нарастания протекционизма (что было, в частности, обусловлено увеличением торговых издержек (по оценкам, в среднем за 1919-1939 гг. их рост составил 10%).

Новый этап развития международной торговли принято рассматривать после окончания Второй мировой войны, когда международный обмен вступил в фазу так называемой «реинтеграции» (а в 1980-2000 г. – даже «реглобализации»), при этом вторую волну интеграции часто ограничивают периодом 1945-2000 гг., увязывая данные хронологические рамки с новой волной научно-технической революции. Этот период также характеризуется растущей интернационализацией производства и сбыта. В целом, за последние семь десятилетий лет в динамике международной торговли произошли существенные сдвиги, особенно за счет изменения роли развивающихся стран. В период «золотого века беспрецедентного процветания» (1950-1973 гг.) среднегодовые темпы роста международной торговли составляли около 8%, что было обусловлено снижением торговых издержек (на 16% за 1950-2000 гг.), совершенствованием средств транспорта и связи, ростом межстрановых инвестиций и производительности труда, последовательным снижением тарифов и относительной стабильностью мировой валютной системы. Немаловажными детерминантами ускорения международного обмена стали также быстрое восстановление экономик стран Западной Европы, высокие темпы роста США и Японии, появление группы новых индустриальных стран (НИС) к концу 1970-х годов. Развитые страны обеспечивали 2/3 прироста международной торговли, однако роль США постепенно снижалась, а Германии и Японии, напротив, – усиливалась. Рост торговых потоков происходил в основном за счет меж- и внутриотраслевой торговли между развитыми странами, которые преобладали и в географической структуре экспорта развивающихся стран (2/3 торговли последних к концу «золотого века»).

Асимметричность структуры международной торговли не в пользу развивающихся стран (так называемая идея «неравного обмена», гласящая, что основной причиной экономического неравенства между развитыми и развивающимися странами является несбалансированная структура международной торговли) актуализировали вопросы эффективности торговой политики. Рост беспокойства по поводу того, что развивающиеся страны не смогут извлечь выгоды от участия в международной торговле, привели к созданию в 1964 году Конференции ООН по

торговле и развитию (ЮНКТАД), призванной пересмотреть правила международной торговли с учетом интересов развивающихся стран. Однако в конце 1960-х годов некоторые восточноазиатские НИС продемонстрировали успехи в реализации экспорториентированной модели развития, и, уже начиная с 1970-х годов существенно нарастили свою долю в мировом экспорте.

Под влиянием внутренних и внешних шоков период 1973-1986 гг. был одинаково трудным как для развитых, так и для развивающихся стран (за исключением экспортеров нефти, для которых условия торговли были исключительно прибыльными, а также для НИС, у которых постоянно наблюдалось увеличение доли экспорта в валовом выпуске). За 1973-1986 гг. по сравнению с 1950-1973 гг. среднегодовой рост мировой торговли замедлился почти наполовину (до 4%), тогда как рост мирового производства – с 5 до 3%.

МЕТАМОРФОЗЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ ГИПЕРГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современные исследователи справедливо указывают, что поскольку политическая поддержка свободной торговли в США и других странах ослабевает, протекционизм как направление внешнеторговой политики начинает играть новую (и, по всей видимости, значимую) роль. Классическая экономическая теория предполагает, что сравнительные преимущества и экономика масштаба выгодны для субъектов мирового хозяйства, а введение тарифов одними странами ведет к взаимному введению тарифов другими странами, что в целом сокращает внешнюю торговлю и рост мировой экономики. В то же время, свободная торговля никогда не считалась выгодной для всех отраслей промышленности и всех людей, однако выигрывающие от свободной торговли могут компенсировать аутсайдерам, и тогда выигрыш будет инклюзивным.

Начиная с середины 1980-х годов международная торговля вступает в новую эпоху гиперглобализации, в которой, в отличие от предыдущих периодов, обмен между странами беспрецедентно ускорился, а эластичность мировой торговли к мировому производству возросла (разрыв между ними составлял в 1986-1998 гг. 2,4 раза, а двукратный разрыв сохранялся до кризиса 2008 года). Однако среднегодовой рост мирового производства (на уровне 2%) был ниже, чем в «золотой век», что, в частности, способствовало росту безработицы и снижению инвестиций в развитых странах.

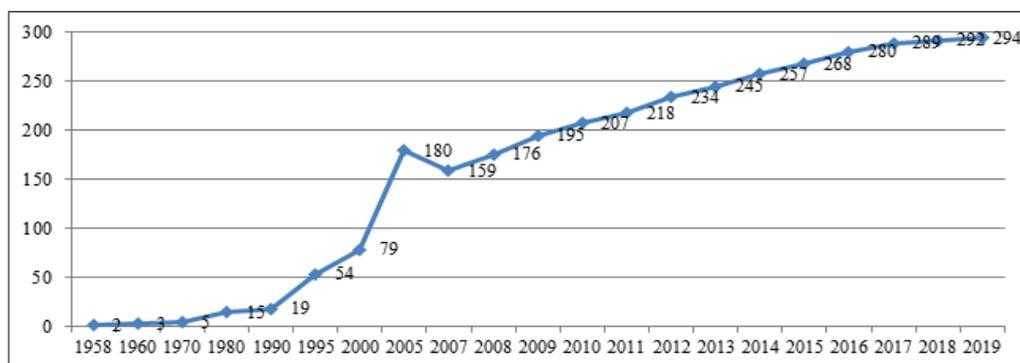
Метаморфические изменения в международной торговле начались со второй половины 1980-х годов, что хронологически совпало с: началом Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров; продолжающейся адаптацией развивающихся стран к долговому кризису и попыткам их перехода от индустриализации к экспорториентированной модели развития; формированием модели «нового мирового порядка» на основе превалирования либеральной идеологии; широким влиянием научно-технического прогресса (информационно-коммуника-

ционные услуги, контейнеризация), что упростило фрагментацию производства в рамках глобальных цепочек создания стоимости (англ. – Global Value Chains, GVC, ГЦСС).

В системе международной торговли также стало появляться много новых организационно-экономических конструкций, в частности, зон свободной торговли (англ. – Free Trade Areas, FTA) и двусторонних инвестиционных соглашений (англ. – Bilateral Investment Agreements, BTA). Соглашения FTA в последние годы распространяются повсеместно, однако большая их часть концентрируется в Азии. На 2019 год заключено уже 294 таких соглашения, охватывающих товарную торговлю, а наиболее динамично они формировались в последние два десятилетия (см. рисунок 1).

Рисунок 1

Кумулятивная динамика числа заключенных соглашений о свободной торговле между странами в 1958-2019 гг.

Источник: составлено по: Regional Trade Agreements Information System (RTA-IS). URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 14.04.2019).

В региональном разрезе 158 FTA-соглашений подписаны и действуют в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наиболее активными участниками таких соглашений являются Китай (участвует в 45 таких соглашениях), Сингапур (43), Индия (42), Республика Корея (38), Индонезия (36), Малайзия (34), Япония (32). Сформировать соглашения FTA, вместе с тем, становится все сложнее по политическим причинам, поэтому их число, хотя и растет, однако не так быстро, как в 1990-2000-е годы. После кризиса 2008 года таких соглашений стало создаваться еще меньше, однако они стали более всеохватными с точки зрения как товаров, услуг и стран-участниц, что привело к появлению многосторонних и мега-FTA. В современных условиях границы работы компаний расширились во многом за счет соглашений

FTA и более совершенной инфраструктуры, что способствовало снижению издержек трансграничной торговли, позволяя компаниям заключать сделки там, где это обходится дешевле.

Ситуация существенно изменялась и по мере присоединения Китая к ВТО, приведшего к снижению издержек между странами, уменьшению стоимости трудовых ресурсов и сделавшего их огромные объемы глобально доступными. Конец эпохи полной занятости и отмена государственного контроля над финансовыми рынками стимулировали переход крупных развитых стран к увеличению долговой нагрузки и модели спроса, ориентированной на долг (когда импорт оплачивается не за счет оплаты труда, а за счет заимствований). Что касается присоединения Китая к ВТО, то есть исследования, подтверждающие, что всплеск экспорта Китая произошел в результате так называемого «положительного технологического шока», выразившегося в технологических улучшениях в экспортоориентированных секторах.

Акселерация торговли особо сильной была в странах Восточной и Юго-Восточной Азии: доля НИС в мировом экспорте достигла к 1990-м годам 10%. Китай, немного позже следовал такой же, как и НИС, стратегии, однако с беспрецедентными масштабом, скоростью и преобладающим присутствием государственных предприятий во внешней торговле. Успех Китая в мировом товарном экспорте сопровождался параллельным снижением в нем доли развитых стран в 1986-2016 гг. почти на 75% (в свою очередь, доля развивающихся стран и стран с переходной экономикой в мировом экспорте возросла в 1980-2016 гг. с 25 до 50%). Наблюдалось активное развитие взаимной торговли между развивающимися странами, обеспечившее около половины указанного прироста.

Вместе с тем, рост торговли между развивающимися странами был в основном обусловлен повышением спроса на сырьевые товары, и было очень мало эмпирических доказательств того, что участие стран в международной торговле способствовало серьезным структурным изменениям в их экономике (за исключением Китая). На самом деле, гиперспециализация способствовала ускорению торговли, включая взаимную торговлю развивающихся стран, что частично отражает возврат ряда развивающихся стран к зависимости от экспорта сырьевых товаров на фоне возрастающих цен на них в 2000-е годы. Вместе с тем, это также свидетельствует об асимметричном соотношении сил и конкуренции между ведущими фирмами и поставщиками в рамках ГЦСС и слабых позициях развивающихся стран в международном обмене.

Возрастание роли развивающихся стран в международной торговле является наиболее характерной и многократно упоминаемой особенностью гиперглобализации, которое противопоставляется доминированию в международном обмене торговли между развитыми странами в эпоху «управляемой глобализации». Азиатским развивающимся странам (НИС первой и второй волны и позднее – Китаю) удалось сократить разрыв в доходах с развитыми странами, что было обеспечено

стимулированием развития промышленности, реализацией технологических возможностей по модернизации, диверсификацией и освоением новых секторов (это обусловило ведущие позиции указанных стран как экспортеров промышленных товаров). Этим странам удалось значительно увеличить производительность труда, что было обусловлено четкой связкой «инвестиции – экспорт», и как результат, в 2016 году доля Азии в совокупном экспорте промышленных товаров развивающихся стран достигла 88%.

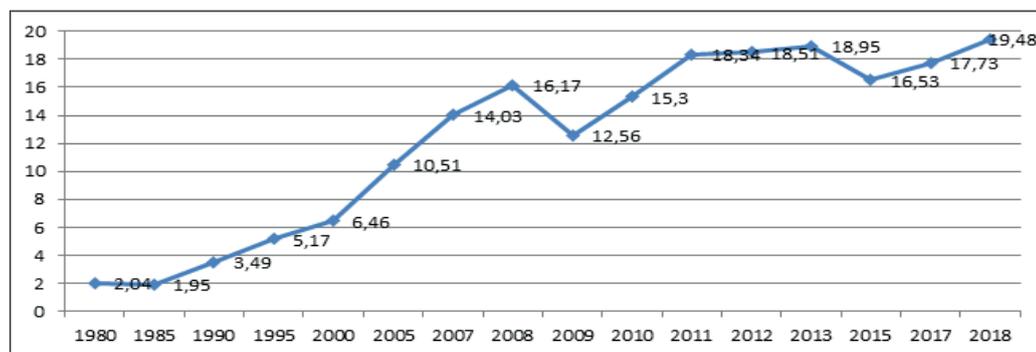
ДИНАМИКА НОВЕЙШЕГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ

В период после окончания Второй мировой войны до глобального финансово-экономического кризиса 2007-2008 гг. рост мировой торговли стабильно и существенно опережал рост мирового производства, и эта тенденция сохранилась в период кризиса, причем как темпы роста международного обмена, так и мирового производства были низки. Следует отметить, что многие страны, как отмечают исследователи (Кириллов В.Н.), попали в «глобальные институциональные ловушки» замедления темпов экономического роста, что, собственно, замедляет международную торговлю и сокращает стимулы к инвестированию и реформированию экономик этих стран.

В последние годы международная торговля постепенно оживляется и восстанавливается: в 2016, 2017 и 2018 годах мировой товарный экспорт составил соответственно 16, 17 и 19,5 трлн долл. (лишь в 2018 году удалось достигнуть уровня исторического максимума 2013 года в размере 19 трлн долл.). Значительным фактором мирового спроса остается Китай. В целом, за последние несколько десятилетий сформировался следующий тренд мирового товарного экспорта (см. рисунок 2):

Рисунок 2

Динамика мирового товарного экспорта, 1980-2018 гг., трлн долл.

Источник: составлено по International Trade and Market Access Data. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_bis_e.htm (дата обращения: 12.04.2019).

В целом, в современных сдвигах в международной торговле есть две специфические черты, заслуживающие особого внимания. Во-первых, наблюдается существенный прирост спроса на импорт со стороны развивающихся экономик (6,9% в 2017 году; справочно: в развитых странах – лишь 3,5%). Во-вторых, Азия, Латинская Америка и США продемонстрировали в 2017 году максимальные среди прочих стран и регионов приросты объемов импорта – 8,8, 6,2 и 4% соответственно. В свою очередь, международная торговля услугами показывает большее оживление, чем товарный экспорт, причем это оживление характерно для всех групп стран.

ВЫЗОВЫ НЕРАВЕНСТВУ

Развитие международной торговли в условиях гиперглобализации и расширение ГЦСС часто трактуется как путь к инклюзивному росту и процветанию. Основное предположение здесь сводится к тому, что ГЦСС позволяют развивающимся странам концентрироваться на индивидуальных звеньях в цепи, что позволяет фирмам этих стран лучше интегрироваться в мировую экономику более быстро, чем на предыдущей стадии индустриализации. Таким образом, развивающиеся страны могут получить больше выгод от использования своего основного конкурентного преимущества – масштабной дешевой рабочей силы. В действительности же всё происходит по-иному, поскольку торговля в условиях гиперглобализации ведет к поляризации доходов стран и неравномерному распределению богатства не только в развитых, но и в развивающихся странах, неравенство внутри групп стран усиливается. Имеются также доказательства того, что, например, ГЦСС и распространение сборочных конвейерных производств с низкой производительностью в экспортных зонах (особый тип свободных экономических зон) способствовали «подавлению» оплаты труда производственных работников, а также усиливали разрыв в доходах между ними и владельцами капитала в развивающихся странах.

В целом, отрицательные эффекты международной торговли для неравенства повторяют проблемы, выделяемые ранее в специальной научной литературе (например, о преобладании олигополистических предприятий в производстве экспортной продукции, а также о том, как структура экспортных рынков может повлиять на распределение доходов). Однако современные исследователи указывают на то, что сегодня гораздо значимым, чем тип и характер экспортируемого товара, является управление в ГЦСС, когда многие ведущие фирмы, работающие в глобальных производственных сетях, стимулируют олигополию (не стремятся вовлечь в ГЦСС новые фирмы), тем самым не стимулируя рост оплаты труда и улучшение трудовых стандартов.

Современные исследования позволяют по-новому взглянуть на тенденции распределения доходов в результате дефрагментации производства в рамках ГЦСС. В частности, изменения в глобальном промышленном производстве ведут к росту неравенства в доходах в развитых и в развивающихся странах. Изменения в долях факторных доходов в рамках ГЦСС в мировой промышленности в 1995-2008

гг. принесли больше прибыли владельцам капитала во всех группах стран (доля владельцев капитала возросла за указанный период на 6,5% и составила 47,4%). В выигрыше, хотя и ограниченном, оставалась и высококвалифицированная рабочая сила, а доля низкоквалифицированных рабочих снизилась на 6,3%. Это бросает вызов ключевому предположению из модели Хекшера-Олина, а также положениям о том, что ГЦСС являются катализаторами снижения неравенства.

Исследование того, каким образом добавленная стоимость распределяется через капитал и труд (разделенный на высоко- и низкоквалифицированный), представлено через известную «улыбающуюся кривую» (англ. – smiling curve), подтверждает указанные выше положения. На глобальном уровне доля доходов от использования капитала в ГЦСС в промышленности возросла в 2000-2014 гг. на 3%. Для Китая были характерны самые серьезные изменения, где, напротив, доля доходов от использования труда возросла на 7,5%, а капитала – снизилась на 7,5%. В странах с высоким уровнем дохода доля доходов от использования труда низкоквалифицированных работников снизилась на 3,7% (см. таблицу 1).

Таблица 1

Вклад факторов производства в добавленную стоимость экспорта в 2000-2014 гг. (ГЦСС в промышленности), %

Страна/регион	Глобальный уровень			Страны с высоким доходом			Китай			Прочие страны		
	2000	2014	Δ_i	2000	2014	Δ_i	2000	2014	Δ_i	2000	2014	Δ_i
Год												
Фактор производства												
Капитал	44,8	47,8	3,0	40,3	42,3	2,0	57,0	49,6	-7,5	59,2	59,4	0,2
Труд, в том числе:	55,2	52,2	-3,0	59,7	57,7	-2,0	43,0	50,4	7,5	40,8	40,6	-0,2
высококвалифицированный	31,7	30,4	-1,3	35,2	37,0	1,7	13,6	19,7	6,0	22,5	23,7	1,1
низкоквалифицированный	23,5	21,8	-1,7	24,5	20,8	-3,7	29,3	30,8	1,4	18,3	16,9	-1,3

Источник: составлено по: Trade and Development Report 2018: Power. Platforms and the Free Trade Delusion. N.Y. & Geneva: UN. UNCTAD, 2018. P. 51.

Дополнительные исследования показали, что рост доходов от капитала был обусловлен ростом прибыли от использования нематериальных активов, доля которых в добавленной стоимости глобальной торговли промышленными товарами, по оценкам, возросла в 2000-2007 гг. с 27,8 до 31,9%.

Китай был единственной страной, где доля доходов от использования низкоквалифицированного труда возросла, но лишь на 1,4%, что не так уж много для страны, являющееся «всемирной фабрикой». Однако в Китае прирост доходов от использования высококвалифицированного труда был намного большим (6%).

Вкупе с доказательствами роста неравенства в распределении доходов в Китае, сделанными ранее²², эти результаты подтверждают гипотезу о том, что относительный рост доли доходов от использования менее квалифицированных работников обусловлен ростом занятости на сборочных производствах (эффект количества), а не ростом относительного дохода в виде заработной платы этих рабочих по сравнению с высококвалифицированными рабочими и владельцами капитала (ценовой эффект).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

«Цифровизация» стала новым этапом развития мировой экономики с точки зрения разработки, внедрения и распространения новых технологий, и ее влияние на развитие международной торговли является определяющим хотя бы потому, что уже наблюдается взрывной рост цифровых транзакций и цифровой торговли в масштабах мирового хозяйства. Ключевым результатом цифровых трансформаций для международной торговли является создание новых рынков, товаров и бизнес-моделей на основе новых цифровых технологий («интернет вещей», искусственный интеллект, блокчейн, Big Data). В условиях цифровизации, однако, возникает определенная сложность определения все более размытых границ между товарами и услугами.

Основными проявлениями цифровой трансформации международной торговли выступают:

□ масштабное развитие электронной коммерции, в которой (включая как внутреннюю, так и трансграничную) большую долю занимают поставки B2B (англ. – Business-to-business), т.е. поставки между предприятиями²³. При этом электронная торговля крайне географически концентрирована: лишь на четыре страны (Китай, Япония, Республика Корея и США) приходится 50% ее оборота.

□ интенсивное развитие внешней торговли информационно-коммуникационными услугами, доля которых в международной торговле за 2005-2016 гг. удвоилась.

□ развитие цифровых платформ электронной коммерции. Эффекты внедрения цифровых технологий ощущаются огромными слоями населения мира именно за счет торговых платформ, которые размывают границы между компаниями. За счет цифровых платформ бизнес формирует глобальные «платформенные» компании, в которых стоимость генерируется за счет эффекта сети, интегрирующей поставщиков, производителей и клиентов. Конгломерат Alibaba на базе цифровых технологий лишь за два года довел численность своей клиентуры до 1 млн чел., а за полтора десятилетия интегрировал на своей платформе 9 млн разных торговцев в сети Интернет, доведя свой оборот до 700 млрд долл.²⁴ У известной компании Amazon (США) 32% чистых продаж уже является зарубежными, а у Ali Express (междуна-

родный сегмент китайской компании Alibaba) имеется 60 млн покупателей по всему миру²⁵. Интенсивно развиваются и такие глобальные «платформенные» компании, как Flipkart (Индия), Jumia (Нигерия). Развитие таких платформ, однако, актуализирует все новые проблемы, касающиеся налогообложения и конкуренции.

Новые цифровые технологии способствуют трансформации международной торговли, создают новые возможности для более инклюзивной торговой системы, однако несут в себе и новые вызовы. По данным ВТО, за период 1996-2014 гг. под влиянием технологических преимуществ произошло снижение издержек в международной торговле на 15%²⁶, основные из которых обозначены в таблице 2.

Таблица 2

Влияние отдельных видов издержек на международную торговлю

Вид издержек	Доля в структуре совокупных издержек трансграничной торговли (%):	
	...товарами	...услугами
Транспортные	37	17
Логистические	11	11
Издержки пересечения границы	5	6
Информационные и транзакционные издержки	24	30
Затраты, связанные с преодолением торгово-политических барьеров	11	15
Прочие затраты	12	21

Источник: составлено по: World Trade Report 2018: The future of world trade: How digital technologies are transforming global commerce. Geneva: WTO, 2018. P. 65-66.

Принципиальным и значимым является воздействие параметров цифровизации на отдельные виды издержек. В частности: транспортные издержки уменьшаются за счет искусственного интеллекта, автономного вождения и GPS-навигации; логистические издержки возможно снижать за счет отслеживания отгрузок при помощи «интернета вещей», что позволит к 2025 году снизить затраты на контейнеры на 13 млрд долл.²⁷; «умные роботы» способствуют снижению затрат на хранение и т.д. Под влиянием новых технологий уменьшились затраты на связь, поэтому степень вертикальной интеграции компаний снизилась, что обусловило передачу разных функций компаний на внешний подряд. В литературе приводится хороший пример с компанией ИКЕА, вертикальная интеграция которой в стране

своего происхождения (Швеции) явилась базой для ее последующей интернационализации в 1980-1990-е гг. Далее уменьшение барьеров в торговле позволило компании формировать ГЦСС, а интернет-технологии способствовали преобразованию этих ГЦСС и теперь компания производит значительную часть продукции на основе интернет-торгов, и ее поставщиками являются компании с разных стран мира²⁸.

Между тем, свою негативную роль вносят издержки, связанные с пересечением границы (таможенные формальности иногда могут быть более затратными, нежели традиционные таможенные тарифы). В одном из исследований²⁹ было доказано, что 10%-ное увеличение таможенных формальностей ведет к снижению экспорта на 3,8%, и это воздействие в наибольшей степени сказывается на новых импортерах, менее развитых странах, а также на товарах, «чувствительных ко времени» (например скоропортящихся). Вместе с тем, применение современных информационно-коммуникационных технологий снижает время на прохождение таможенных формальностей на границе. В 2017 году вступило в силу Соглашение ВТО об упрощении процедур международной торговли (англ. – Trade Facilitation Agreement), призванное модернизировать процессы экспорта и импорта и упростить таможенные процедуры. Ожидается, что полная имплементация норм данного Соглашения позволит снизить торговые издержки в среднем на 14,3%³⁰. Ключевая роль с точки зрения упрощения таможенных процедур отводится технологиям блокчейн и системам искусственного интеллекта.

По мере проникновения и распространения цифровых технологий международная торговля некоторыми товарами может расти, а некоторыми – снижаться и даже прекратиться в ближайшие десятилетия. Торговля товарами, производимыми на основе информационных технологий (англ. – information technology goods, ITG) в последние десятилетия экспоненциально растет. Соглашение ВТО об информационных технологиях (англ. – Information Technology Agreement, ИТА), принятое в 1986 году и расширенное в 2015 году, покрывает большое число высокотехнологичных товаров, включая компьютеры, телекоммуникационное оборудование, полупроводники и сопутствующее оборудование, программное обеспечение, а также аксессуары и части указанных товаров.

В период 1996-2016 гг. международная торговля IT-товарами увеличилась почти в три раза (с 549 млрд до 1,6 трлн долл.), однако товарная структура торговли претерпела изменения: доля компьютеров снижается (по нашему мнению, как ввиду насыщения рынка, так и ввиду снижения стоимости самих компьютеров), а доля телекоммуникационного оборудования растет (по причине массового использования мобильных телефонов и смартфонов) (см. таблицу 3).

Таблица 3

Изменение структуры мировой торговли IT-товарами в 1996-2016 гг.

Вид товара	Доля в структуре торговли IT-товарами, %	
	1996 г.	2016 г.
Полупроводниковые компоненты	28	32
Телекоммуникационное оборудование	9	21
Компьютеры и вычислительные машины	28	20
Запасные части и аксессуары	28	20
Прочее	7	7

Источник: составлено по: World Trade Report 2018: The future of world trade: How digital technologies are transforming global commerce. Geneva: WTO, 2018. P. 89.

Важным представляется даже не только и не столько вовлечение в мировой товарооборот новых высокотехнологичных товаров: гораздо более принципиальным является, как справедливо отмечается в современных исследованиях, формирование нового мирового рынка – рынка систем и технологий искусственного интеллекта, важнейшими факторами чего стали интенсивное развитие рынка информационно-коммуникационных услуг и наноматериалов, повсеместное распространение интернета³¹.

Под влиянием цифровизации международная торговля становится более мобильной, поскольку более гибко работают ГЦСС, экономится время на доставку товаров, все шире используются «умные контракты», а кредиты как средство финансирования торговли становятся более доступными. Международная торговля от своих традиционных форм (в 1920-е годы) переходит к электронной торговле (1990-е годы) и постепенно к «торговле на основе технологий искусственного интеллекта» (данный этап, как ожидают, начнется с 2025 года)³². Однако усиление мобильности товаропотоков будет обострять международную конкуренцию и, соответственно, способствовать дальнейшему усилению технологического разрыва между странами.

Вместе с тем, в качестве вызова развития данного рынка выступает опасность выхода его на стабилизирующуюся (а не экспоненциальную) траекторию развития, поскольку в условиях диверсификации объектов международной торговли под влиянием искусственного интеллекта возможно снижение спроса на многие товары и расширение потенциала перепроизводства. Впрочем, указанный вызов, имеет, скорее, долгосрочный характер. Кроме того, дисбалансы в мировой эконо-

мике и международной торговле под влиянием цифровизации будут, скорее всего, усиливаться. Все чаще используется термин «цифровое неравенство»³³, угрозой которого будет дальнейшее обострение протекционистских барьеров в торговле. Поэтому уже сейчас необходим поиск новой парадигмы для устойчивого развития международной торговли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Jacks D.S., Meissner C.M., Novy D. Trade Costs, 1870-2000 // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98(2). P. 530.

² Findlay R., O'Rourke K. H. *Power and plenty: trade, war, and the world economy in the second millennium*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2009. P. 496.

³ *World Trade Report 2018: The future of world trade: How digital technologies are transforming global commerce*. – Geneva: WTO, 2018. P. 18.

⁴ Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD Development Centre, 2001. P. 22.

⁵ Jacks D.S. *Ibidem*.

⁶ *Trade and Development Report, 2016: Structural Transformation for Inclusive and Sustained Growth*. - N.Y. & Geneva: UN. UNCTAD, 2016. P. 45.

⁷ Park S.-C. U.S. Protectionism and Trade Imbalance between the U.S. and Northeast Asian Countries // *International Organisations Research Journal*. 2018. Vol. 13 (2). P. 79.

⁸ *Free Trade Agreements*. – Asia Regional Integration Center. 2019. URL: <https://aric.adb.org/fta-all> (дата обращения: 12.04.2019).

⁹ Caliendo L., Dvorkin M., Parro F. The Impact of Trade on Labor Market Dynamics // NBER Working Paper No. 21149, May 2015. – 94 p.; Hsieh C.-T., Ossa R. A Global View of Productivity Growth in China // NBER Working Paper No. 16778, February 2011. – 40 p.

¹⁰ *Trade and Development Report 2018: Power. Platforms and the Free Trade Delusion*. – N.Y. & Geneva: UN. UNCTAD, 2018. P. 45.

¹¹ Кириллов В.Н. Искусственный интеллект и глобальные вызовы экономического роста // Сб. материалов I-й международной научно-практической конференции «Шаг в будущее: Искусственный интеллект и цифровая экономика». – Вып. 1. – М.: ГУУ, 2017. С. 123.

¹² *Statistics on merchandise trade*. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm (дата обращения: 25.03.2019).

¹³ *International Trade and Market Access Data*. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_bis_e.htm (дата обращения: 12.04.2019).

¹⁴ *Trade and Development Report 2018: Power. Platforms and the Free Trade Delusion*. – N.Y. & Geneva: UN. UNCTAD, 2018. P. 10.

¹⁵ *Global Value Chain Development Report: Measuring and Analyzing the Impact of GVCs on Economic Development*. – Wash., DC: World Bank, 2017. P. 54.

¹⁶ Temin P. *The Vanishing Middle Class: Prejudice and Power in a Dual Economy*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2017. 256 p.; Pavcnik N. The impact of trade on inequality in developing countries // *National Bureau of Economic Research: Working Paper No. 23878*. 2017. 48 p.

¹⁷ Milberg W., Winkler D. *Outsourcing Economics: Global Value Chains in Capitalist Development* // N.Y.: Cambridge University Press, 2013. 376 p.

¹⁸ Timmer M.P., Erumban A.A., Los B., Stehrer R. De Vries G.J. Slicing up global value chains // *Journal of Economic Perspectives*. 2014. Vol. 28(2). pp. 99-118.

¹⁹ Lopez Gonzalez J., Kowalski P., Achard P. Trade, global value chains and wage-income inequality // *OECD: Trade Policy Papers No. 182*. – 2015.

²⁰ De Vries G.J., Miroudot S., Timmer M. Functional specialization in international trade: An exploration based on occupations of workers. – Mimeo. University of Groningen, 2018.

²¹ Chen W., Gouma R., Los B., Timmer M.P. Measuring the income to intangibles in goods production: A global value chain approach // *WIPO: Economic Research Working Paper No. 36*. 2017. P. 21.

²² Galbraith J.K. *Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just Before the Great Crisis*. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 336 p.

²³ *Global Digital Trade 1: Market Opportunities and Key Foreign Trade Restrictions*. – Wash., D.C.: United States International Trade Commission (USITC), 2017. P. 23.

²⁴ Доклад о мировом развитии 2019: изменение характера труда. - Вашингтон: МБРР, Всемирный банк, 2019. С. 5-6.

²⁵ Amazon.com, Inc. Form 10-K 2016. – Wash., D.C.: U.S. Securities and Exchange Commission (SEC), 2017. URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1018724/000101872419000004/amzn-20181231x10k.htm> (дата обращения: 10.04.2019); Alibaba Group Holding Limited Form 20-F 2017. – Wash., D.C.: U.S. Securities and Exchange Commission (SEC), 2018. URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1577552/000104746917004019/a2231121z20-f.htm> (дата обращения: 10.04.2019).

²⁶ *World Trade Report 2018: The future of world trade: How digital technologies are transforming global commerce*. Geneva: WTO, 2018. P. 3.

²⁷ Lund S., Manyika J. *How Digital Trade is Transforming Globalisation*. – Geneva: International Center for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and World Economic Forum (WEF), 2017. P. 4.

²⁸ Доклад о мировом развитии 2019: изменение характера труда. - Вашингтон: МБРР, Всемирный банк, 2019. – С. 36.

²⁹ Volpe Martincus C., Carballo J., Graziano A. Customs // *Journal of International Economics*. 2015. Vol. 96(1). P. 121.

³⁰ *World Trade Report 2015: Speeding up Trade: benefits and challenges of implementing the WTO Trade Facilitation Agreement*. – Geneva: WTO, 2015. P. 78.

³¹ Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А. Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта // *Экономика региона*. 2019. Т.15, вып. 1. С. 60.

³² Andersen B. *The Future of Trade ‘Who, what, where & how’ automation and artificial intelligence are disrupting the marketplace*. London: Big Innovation Centre, July 2017. P. 10.

³³ *Цифровая экономика и искусственный интеллект: новые вызовы современной мировой экономики: монография / под ред. К.В. Екимовой, С.А. Лукьянова, Е.Н. Смирнова*. – М.: Издательский дом ГУУ, 2019. С. 74.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Доклад о мировом развитии 2019: изменение характера труда. - Вашингтон: МБРР, Всемирный банк, 2019. – 138 с. (Doklad o mirovom razvitii 2019: izmenenie haraktera truda. - Vshington: MBRR, Vsemirnyj bank, 2019. – 138 s.)

2. Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А. Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта // Экономика региона. 2019. Т.15, вып. 1. С. 57-69 (Smirnov E.N., Luk'yanov S.A. Formirovanie i razvitie global'nogo rynka sistem iskusstvennogo intellekta // Ekonomika regiona. 2019. T.15, vyp. 1. S. 57-69).
3. Цифровая экономика и искусственный интеллект: новые вызовы современной мировой экономики: монография / под ред. К.В. Екимовой, С.А. Лукьянова, Е.Н. Смирнова. – М.: Издательский дом ГУУ, 2019. – 180 с. (Cifrovaya ekonomika i iskusstvennyj intellekt: novye vyzovy sovremennoj mirovoj ekonomiki: monografiya / pod red. K.V. Ekimovoj, S.A. Luk'yanova, E.N. Smirnova. – M.: Izdatel'skij dom GUU, 2019. – 180 s.)
4. Andersen B. The Future of Trade 'Who, what, where & how' automation and artificial intelligence are disrupting the marketplace. London: Big Innovation Centre, July 2017. 52 p.
5. Chen W., Gouma R., Los B., Timmer M.P. Measuring the income to intangibles in goods production: A global value chain approach // WIPO: Economic Research Working Paper No. 36. 2017. 73 p.
6. De Vries G.J., Miroudot S., Timmer M. Functional specialization in international trade: An exploration based on occupations of workers. – Mimeo. University of Groningen, 2018.
7. Galbraith J.K. Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just Before the Great Crisis. – Oxford: Oxford University Press, 2012. 336 p.
8. Global Digital Trade 1: Market Opportunities and Key Foreign Trade Restrictions. Wash., D.C.: United States International Trade Commission (USITC), 2017. 442 p.
9. Global Value Chain Development Report: Measuring and Analyzing the Impact of GVCs on Economic Development. Wash., DC: World Bank, 2017. 190 p.
10. Lund S., Manyika J. How Digital Trade is Transforming Globalisation. – Geneva: International Center for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and World Economic Forum (WEF), 2017.
11. Milberg W., Winkler D. Outsourcing Economics: Global Value Chains in Capitalist Development. N.Y.: Cambridge University Press, 2013. – 376 p.
12. Park S.-C. U.S. Protectionism and Trade Imbalance between the U.S. and Northeast Asian Countries // International Organisations Research Journal. 2018. Vol. 13 (2). pp. 76–100.
13. Temin P. The Vanishing Middle Class: Prejudice and Power in a Dual Economy. – Cambridge, MA: MIT Press, 2017. – 256 p.
14. Timmer M.P., Erumban A.A., Los B., Stehrer R. De Vries G.J. Slicing up global value chains // Journal of Economic Perspectives. 2014. Vol. 28(2). pp. 99-118.
15. Trade and Development Report 2018: Power. Platforms and the Free Trade Delusion. – N.Y. & Geneva: UN. UNCTAD, 2018. 162 p.
16. Trade and Development Report, 2016: Structural Transformation for Inclusive and Sustained Growth. - N.Y. & Geneva: UN. UNCTAD, 2016. 215 p.
17. World Trade Report 2015: Speeding up Trade: benefits and challenges of implementing the WTO Trade Facilitation Agreement. – Geneva: WTO, 2015. – 153 p.
18. World Trade Report 2018: The future of world trade: How digital technologies are transforming global commerce. Geneva: WTO, 2018. 232 p.

